

Виктор Мандыбура

КОРРУПЦИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ И МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Рассматриваются проблемы сущности и структуры коррупции как института, имеющего абсолютную антиобщественную направленность. Раскрыты формы объекта и дана характеристика субъектов коррупции, показаны особенности формирования и социально-экономические истоки существования коррупции. На основе обобщения мирового опыта (прежде всего США) предложена для внедрения в отечественную практику система экономико-правовых и финансово-организационных мероприятий и механизмы преодоления коррупции.

Ключевые слова: коррупция, теневая экономика, институт коррупции, субъекты коррупции, объект коррупции, коррупционного образ жизни, механизмы преодоления коррупции.

JEL: O170.

Масштабность отечественной коррупции и её институализация превращают её в устойчивый элемент функционирования экономической, социальной, политической, правовой, морально-этической и др. систем государства и общества. Вместе с тем на сегодня основное внимание учёные уделяют проблемам детенизации "теневой" экономики, в состав которой, без учёта уровня социальной опасности, включают такие внутренние системные составляющие как: "неучтённая", "не регламентированная", "скрытая" и "законспирированная" или "преступная" экономика (Варналий и др. (ред.), 2006).

Смешение под общим понятием "теневая экономика" абсолютно разных по сущностному содержанию и социально-экономическим последствиям влиянию на динамику общественного развития видов экономических отношений и деятельности отвлекает внимание от реальной опасности, которую несут их отдельные, наиболее общественно опасные проявления. Именно поэтому, с точки зрения дифференцированного подхода, необходимо сконцентрировать научные интересы и государственное внимание на тех видах экономических отношений и деятельности, которые по своему содержанию являются общественно опасными и противоправными и которые составляют содержание наиболее деструктивно опасных общественных институтов – "коррупции" и "криминально-чёрной экономики".

Наиболее опасным является явление диверсификации "криминально-чёрной" экономики в структуры "светлой" ("легальной", "традиционной") экономики. "Это становится возможным в результате тесного объединения представителей легальной экономики, криминала, и центральных и местных органов власти. На основе этого формируются центральные и местные коррупционные "элиты" (Мандыбура, 1998. С. 14–15).

Мандыбура Виктор Емельянович, д-р экон. наук, проф.; главный научный сотрудник отдела экономической теории ГУ "Институт экономики и прогнозирования НАН Украины".

В общем вся "теневая" экономика является и продолжает оставаться базовой основой генерирования и надёжного питания коррупционных отношений, именно поэтому среди учёных бытует мнение, что "при превышении критической массы влияние теневой экономики на качественные характеристики экономической системы в целом приобретает такую силу, что разделение последней на "светлую" (здоровую) и "тёмную" (теневую) теряет смысл Речь идёт об органическом сплетении легального и нелегального сегментов, которое на самом деле становится способом существования всей экономической системы" (Гальчинский, 2001. С. 141).

Коррупция, являясь самостоятельным элементом теневой экономики, вместе с этим является системно более сложным явлением.

Во-первых, система коррупционных отношений выходит за пределы их понимания как исключительно экономического явления.

Во-вторых, коррупция имеет своё собственное сетевое и многослойное институциональное строение, которое не может быть понятным и исследованным в рамках анализа исключительно "теневой" экономики и поэтому требует своего отдельного рассмотрения как специфического общественного института.

Методологические подходы исследования коррупции как института антиобщественной направленности

Для определения факторов, мер и конкретных механизмов, дающих возможность способствовать преодолению коррупции, необходимо всесторонне и системно раскрыть сущностное содержание этого явления, с одной стороны, как системы социально-экономических отношений, а с другой – как специфического общественного института. То есть необходимо дать развёрнутое определение сущности категорий "коррупция" и "институт коррупции" с учётом широкого спектра отношений, норм, явлений и процессов, составляющих их содержание.

Проведённый анализ теоретической базы первоисточников исследования позволяет утверждать, что на сегодняшний день научным сообществом пока не сформулировано единого, общепринятого и универсального определения понятийного содержания категории "коррупция".

Как правило, сущностное содержание коррупции анализируется с позиции её понимания как одной из составляющих "теневой" экономики, а не как самостоятельного и системно структурированного общественного института. Это в основном обусловлено несовершенствами методологических подходов и недостатками применения отдельных методик исследования. При этом размытость позиций относительно системно-институционального понимания "коррупции" обусловлена тем, что она, как правило, рассматривается крайне упрощённо и поверхностно. Прежде всего это касается научной интерпретации её содержательно-качественной специфики, несовершенства подходов в оценке отличительных проявлений существующей палитры коррупционной деятельности, и её внутренних системных составляющих, а также крайне упрощённых представлений о системной сложности её внешних связей и механизмов иерархического и сетевого распространения.

Всё указанное вызывает различия и противоречия в подходах к пониманию степени системной сложности стратегических задач, направленных на преодоление коррупции. Главным образом это касается конкретизации содержательного наполнения и логической очерёдности реализации тактических этапов, а также тех предлагаемых авторами конкретных способов, мероприятий, средств и механизмов решения теоретических и прикладных задач надёжного искоренения коррупции.

При научно-теоретическом подходе "институт коррупции" необходимо рассматривать как полимерное общественное явление, которое гносеологически отражает сложную и существующую в обществе систему искажённо-искривленных и аномально-патологических экономических, социальных, политических, идеологических, правовых, морально-этических и др. отношений, норм, связей и процессов.

На институциональном уровне теоретический анализ института коррупции должен концентрироваться на рассмотрении его внутренних социально-экономических, организационно-экономических, морально-этических, нормативно-правовых, государственно-предательских и др. имманентных системных составляющих. В этом направлении должны исследоваться, во-первых, система формальных и неформальных, а по сути аномальных и патологических "правил и норм" поведения и также содержание интересов, обуславливающих взаимодействие субъектов коррупционных отношений, и, во-вторых, общий организационно-экономический механизм внутренне-системного коррупционного генерирования, а также существующие источники и потенциальные возможности предоставления ресурсов, средств внутреннего и внешнего обеспечения функционирования института коррупции и выявлять тенденции развития и качественного совершенствования источников подкупа.

При практически-прикладном подходе, цель которого решить реальные задачи по совершенствованию и применению конкретных мер и механизмов преодоления коррупции, внимание учёных прежде всего должно уделяться разработке рекомендаций организационно-экономического и экономико-правового характера, направленных на совершенствование нормативно-законодательной базы, а также других предложений по применению эффективных подходов и мер корректировки социально-экономической политики государства в данном направлении.

Сложность и важность проблем, связанных с исследованием "института коррупции", должны также опираться на широкое применение в этих исследованиях междисциплинарного подхода. Учитывая это, в исследовании коррупции, наряду с методами социально-экономического анализа, должны применяться **формально-правовой, криминологический и комплексный подходы**, которые в своей совокупности позволяют осуществить дифференцированное и предметное отнесение тех или иных видов, отношений и конкретных проявлений чиновничье-бюрократической деятельности к разряду "коррупционных".

"Коррупция" – это сложный системный институт, имеющий исключительно антиобщественную направленность. Он негативно влияет на все сферы общественной жизни: социальную, экономическую, политическую, правовую, идеологическую, морально-этическую, внешнеэкономическую, внешнеполитическую и др.

Приобретение коррупцией признаков системного феномена, последствия влияния которого заключаются не только в деструктивном воздействии на основные жизненно важные сферы общества. Коррупционная патология становится имманентным свойством социально-экономической жизни страны, превращая его в совершенно общественно-приемлемый и допустимый способ "болезненного" существования, что неизбежно в конечном итоге усиливает экономическую деградацию, политическое предательство интересов государства, моральное разращение и общественный упадок.

Сегодня в процессе исследования содержательной сущности "коррупции" в основном анализируются вопросы количественно-качественной оценки её масштабов, оптимизации социально-экономической политики

в направлении усиления её влияния на процесс коррупционного ограничения, повышение эффективности правоохранительной деятельности, оценки эффективности применения карательных санкций, возможности усиления экономической безопасности и ликвидация широкого спектра общественных угроз, которые несёт в себе это позорное явление современности.

Не приуменьшая значения приведённых направлений, считаю, что основное внимание необходимо уделить исследованию вопросов дифференциации и качественной оценки системных составляющих института коррупции в контексте понимания содержания стремлений и интересов субъектов коррупционно-корпоративного сообщества как отдельной, специфически ассоциированной группы лиц, объединённых едиными мотивационными стремлениями получения наживы на основе использования "возможностей" своего служебного положения. При этом также важно уделить внимание аспектам выявления наиболее характерных функциональных признаков и качественных особенностей внутренних структурных составляющих, формирующих институт коррупции.

В указанном контексте авторская позиция заключается в следующем.

По своей сути **в организационно-экономическом плане** "коррупции" присущи пять основных содержательных признаков, раскрывающих её "качественные отличия" и "специфические особенности".

Первое, коррупция представляет собой "качественно" развитое взяточничество, которое системно организовано, иерархически построено и имеет собственные разветвлённые сетевые структуры и внутренне связующие системы.

Второе, субъекты-участники "коррупционного сообщества" подчиняются "нормам" жёсткой корпоративной дисциплины, имеют личный внутренне системный ранговый статус и наделены организационно-распорядительными полномочиями в структуре системно-властной иерархии.

Третье, для каждого системно-коррупционного звена определён свой процент, на который оно может претендовать в полученном совокупном грабительском доходе, перераспределяющемся по иерархической цепи, по установленным "криминальными нормативами".

Четвёртое, в коррупционной системе все члены группировки на разных уровнях их иерархического положения имеют всестороннее и абсолютное властно-бюрократическое верховное прикрытие от возможности их разоблачения и наказания.

Пятое, все участники коррупционной схемы, вплоть до её первичных звеньев, получают максимально полную "секретную информацию" о возможных потенциальных опасностях и угрозах, связанных с осуществлением их государственно-предательской деятельности.

Необходимо чёткое понимание, что приведённые системные признаки присущи институту коррупции только в его так называемом стабильно сформированном состоянии. То есть в условиях, когда в стабильно существующей и коррупционно-структурированной стране не происходят бурные события типа "оранжевой революции", или "революции достоинства". Вследствие таких событий происходит масштабная "люстрация" или "чистка" должностно-бюрократического аппарата и массовая замена штатного состава силовых структур. Вместе с тем (и это неоднократно подтверждено отечественным опытом) коррупционная "гидра" имеет свойства в течение непродолжительного периода полностью восстановиться. То есть коррупционный институт и его субъектный выразитель – вновь сформированная из рядов бывшей оппозиции, победившей в "революции", коррупционно-клановая корпорация начинает действовать на тех же принципах, что и сверженная "преступная власть", или их "предшественники".

Институт коррупции не только взаимодействует с обще-рыночным институтом, но и активно реализует возможность по формированию собственной сетевой системы рынков. Это связано с одним из наиболее важных признаков коррупционного института, который заключается в его постоянном паразитировании на системе предоставления государственных услуг, а также на распределении и перераспределении общественных благ. Указанное становится возможным вследствие как существования непрозрачности, так и качественного несовершенства существующих взаимоотношений между гражданским обществом и государством. Именно эти условия способствуют активному формированию и "эффективно-разрушительной" для общества деятельности внутрисетевых "институтов специализированных коррупционных рынков".

К числу таких "рынков" можно отнести:

- 1) рынок административно-хозяйственных решений;
- 2) рынок государственных должностей (вместе с параллельно существующей "неформально-протекционистской" кадровой политикой);
- 3) рынок получения государственных привилегий;
- 4) рынок "теневой" избирательной системы;
- 5) рынок "дополнительно стимулированной" государственной защиты прав и свобод граждан;
- 6) рынок коррупционно-обеспеченного государственного образования и науки;
- 7) рынок платно-государственной системы здравоохранения и другие направления рыночной коррупционной продажности и сговора и т.д.

Каждый из указанных коррупционных рынков, если его выделить отдельно, может быть объектом самостоятельного научного исследования.

Рассмотрение коррупции как специфического института, имеющего абсолютную антиобщественную направленность, будет не полным без оценки тех норм морали, а вернее аморальных норм, обеспечения его существования, который разрушительным образом влияет на основы обеспечения общественной нравственности.

Среди важнейших "аморально-этических" норм, на которых базируется институт коррупционных отношений, можно выделить пять наиболее важных признаков, характеризующих поведение субъектов подкупа, и которые имманентно присущи практически любому скрытому и законспирированному криминальному сообществу.

Первое – это касается коррупционно-корпоративной нормы по особой тщательности в сокрытии корпоративно-клановых тайн, которые являются свидетельством прямой измены государственным интересам в таких сферах, как разбазаривание казны и прямое казнокрадство. Указанное также связано с другими проявлениями невыполнения бюрократией и другим "служилым людом" непосредственных служебных обязанностей и прямого нарушения регламентных норм законов вследствие персонифицированного подкупа на осуществление противоправных действий и т.п. Для этого коррупционно-клановое сообщество применяет собственные средства и механизмы "заметания следов", а также "зачистки" той информационной базы, которая содержит компромат, прежде всего, путём регулярного уничтожения финансово-казначейских архивов и других архивных документов, которые могут представлять исходную базу разоблачений и дальнейшего привлечения к ответственности.

Второе – коррупционное сообщество также использует специфическую "институциональную норму", применение которой связано с "высшим проявлением" корпоративно-клановой измены. По этой "норме" к факту предательства интересов коррупционной сообщества относится

намерение или желание любого субъекта, принадлежащего к этой корпорации, "осуществить попытку огласки тщательно скрываемых преступных фактов". За попытку осуществления такого "предательства" обязательно наступает действие внутренне криминальных санкций со стороны коррупционно-корпоративного сообщества, направленные на неотвратимое и жестокое наказание лица-отступника (или "наказание" распространяется и на членов его семьи).

Третье – взаимодействие субъектов коррупционно-корпоративного сообщества построено на нормативных основах и по схемам "круговой поруки", и действует по принципу "рука руку моет". При этом вся эта система отношений базируется на практическом применении специфического "защитного механизма", который действует как "хвост ящерицы", то есть преступное сообщество применяет механизм безжалостного избавления от "отработанных и не нужных" звеньев коррупционных схем и от конкретных "лишних" людей при возникновении угрозы для существования всей "коррупционной корпорации" в целом.

Четвёртое – живучесть коррупционной системы обеспечивается обязательным формированием собственных "резервных страховых фондов" и "чёрных коррупционных касс". Реализация указанной нормы предусматривает подготовку и назначение конкретных надзирателей и охранников, которые должны стоять на страже соблюдения членами коррупционно-кланового сообщества требований жёсткой дисциплины и других негласных "правил поведения", реализуемых на основе аморального по сути и неписаного по форме "кодекса коррупционера".

Пятое – доминирование над всеми другими внутренне институциональными групповыми, коррупционно-клановыми антиобщественными нормами морали, определяющими поведение, которому должна быть подчинена жизнь любого члена корпорации. Эти нормы регулируют основы "преступного образа жизни", базой которого являются противоправные действия, пути и средства, которые члены коррупционно-кланового сообщества как предатели интересов государства вполне сознательно выбирают и практически реализуют с целью лично-семейного и корпоративно-кланового обогащения.

Важно подчеркнуть, что коррупция, являясь институтом формирования и постоянного провоцирования социально-экономической и политической нестабильности, создаёт угрозу как непосредственному функционированию института государства, так и стабильности моральных принципов и старых положительных традиций жизни общества. При этом институт коррупции, с одной стороны, является бинарной составляющей криминального сращивания, а с другой – активным генератором роста самой экономической преступности.

В системе причинно-следственных связей коррупция постоянно питается и разрастается на существующей базе экономической преступности, и одновременно она сама является субъективным провокатором усиления социально-экономических угроз, поскольку способствует активизации и опасному распространению криминально-чёрной экономики и организованной экономической преступности.

Формы объекта и характеристика субъектов коррупционных отношений

Важный элемент анализа коррупции как институционального явления – определение объекта и субъектов, формирующих и олицетворяющих её.

Следует отметить, что в коррупции, так же, как и у обычного (то есть свободного от системной организации), или первично-рудиментарного (бытового) взяточничества, объект и субъекты являются те же.

Объектом как обычного взяточничества, так и системной коррупции является **взятка**.

Первый признак взятки заключается в том, что по своей содержательной сути он является платой или подарком, который предназначен исключительно для подкупа "должностного" лица, то есть субъекта, имеющего соответствующий чин и полномочия или другой правовой статус в иерархической системе государственной организации власти: исполнительной (в т.ч. силовых структур); представительско-законодательной (верховного, регионального и местного уровней); судебной и законодательно надзорной (прокурорской) власти. Именно эти лица и являются теми субъектами, которые получают криминально-правовой статус взяточников, или коррупционеров, в условиях фиксации получения ими взятки.

Второй признак взятки проявляется в том, что он предоставляется взяткодателем, или субъектом, являющимся получателем выгоды от "специфической услуги", которая заключается в выполнении необходимого для него противоправного действия подкупленного коррупционера.

Взятка предоставляется на основе взаимного коррупционного сговора:

1) или во избежание законного служебно-государственного ограничения (стеснения, ущемления) путём подкупа должностного лица на осуществление конкретного противоправного действия;

2) или с целью побуждения коррупционера на невыполнение оговоренных законодательством (или служебными инструкциями и другими нормативными актами) обязательных действий, уклонение от выполнения которых и является лично полезным для взяткодателя.

Формы взятки, которую получает субъект коррупции, или взяточничества, являются достаточно разнообразными проявлениями осуществления подкупа должностного лица.

Взятки можно классифицировать по признаку тех методов, которые применяет к взяткодателям коррупционная корпорация для аккумуляции средств:

1) взятки "добровольно инициированы" взяткодателями;

2) "необходимо обусловленные" взятки (изымаются у взяткодателей коррупционерами по принципу "если тебе нужно, то куда ты денешься");

3) "насильственно-принудительные" или "грабительские" взятки.

По типологической разновидности формы взятки представляют собой разного рода "поборы", "срывы", "подношения", "приношения", "откаты", "долевые проценты", "дары", "гостинцы", "магарычи" и все остальные возможные формы подкупа, которые получает взяточник в денежном, материально-натуральном виде, либо в виде предоставления ему определённой полезной услуги.

Можно по конкретным признакам раскрыть содержательную сущность выше изложенной палитры взяток, которые на сегодня имеют распространение в реальной жизни.

"Поборы" – форма взятки, изымаемая взяточниками у взяткодателей путём применения "грабительских" методов, то есть насильственно-принудительного навязывания чётко определённых требований выплаты с определённой периодичностью конкретных величин денежных сумм (например, за возможность осуществлять конкретный вид экономической деятельности и др.).

"Срывы" – взятки преимущественно разового "грабительского" характера, получаемые за конкретное благоприятное для взяткодателя действие, или, наоборот, неосуществление необходимого обязательного действия (например, контрольного) со стороны получателя взятки (первичного взяточника).

"Подношения", "дары", "гостинцы", "приношения" – широкая "палитра" форм "добровольно-инициированных" взяток, то есть таких, где непосредственными инициаторами выступают взятодатели, имеющие целью побудить должностные лица на корыстно-благоприятные действия (это касается подкупа проверяющих лиц: ревизоров, контролеров и др.), или с целью создания своеобразной "крыши прикрытия" или получения полезной секретной информации и т. п.

"Откаты" – относительно новая, очень распространённая (возникла в условиях формирования криминально-мафиозного капитализма) и достаточно специфическая форма "добровольно-принудительных" взяток, получаемых коррупционерами-казнокрадами от субъектов-получателей бюджетных средств, в виде определённого процента от величины сумм выделенного бюджетного финансирования (предоставляемого или в законном порядке, или с нарушением очерёдности получения), или с целью непосредственного " долевого участия" в коррупционной схеме хищения государственной казны.

Для коррупции как системного институционального явления *взятки в виде наличных средств* (как в национальной, так и свободно конвертируемых валютах) *абсолютно доминантные*. Это может быть объяснено тем, что суммы первичных денежных взяток (скажем тех, что получают постовые или участковые инспекторы) могут в дальнейшем легко расплестись на процентно-долевые составляющие и в таком виде аккумулироваться и передаваться по каналам коррупционных схем, вплоть до вершины иерархии – коррупционных "сюзеренов".

Устойчивое разрастание коррупции, усиление её влияния, а также разнообразие форм и проявлений прежде всего зависит от общего состояния зрелости демократических институтов и осуществления действительных и реальных шагов по реформированию основных сфер общественной жизни (правовой системы, административных процедур, налоговой системы, регуляторной деятельности государства, решению социальных проблем и т.п.).

Субъектами отношений взяточничества и коррупции, с одной стороны, является взяточник (первичный получатель взятки), а с другой – взятодатель (конкретный плательщик взятки).

Вместе с тем между "обычным" взяточником и "коррупционером" имеются достаточно существенные различия. Так, субъект взяточничества в лице получателя взятки является "моноличностным", а аналогичный субъект коррупции – "полиличностным". То есть, кроме первичного субъекта-получателя взятки, у коррупционной системы также есть и "ассоциированный" субъект в лице корпоративно-кланового сообщества (хотя это сообщество также по схеме коррупционной цепи является дискретным, то есть может быть дифференцировано доведенным до уровня конкретной личностной персонификации).

Особо следует подчеркнуть, что негативные последствия системно организованной коррупции для государства и общества являются на порядок более общественно опасным и разрушительным, чем те негативы, которые возникают от существования бессистемно-моноличностного взяточничества. Хотя именно на последнем в основном и акцентируется внимание общественности и производятся "показательные" карательно-правовые акции.

Основным субъектом системы коррупционных отношений был и продолжает оставаться чиновник, или бюрократ. Именно этот государственный служащий благодаря своему специфическому социальному положению может при определённых условиях и обстоятельствах пойти на должностное преступление ради получения уголовной наживы.

К сожалению, на сегодняшний день практически отсутствуют научные труды, основательно раскрывающие социально-экономическую сущность бюрократии, системно оценивающие её мотивационные стремления и интересы. Также почти нет и научных работ, в которых всесторонне и системно были бы раскрыты те существенные качественные различия, которые существуют между бюрократическим аппаратом стран развитой рыночной экономики и нашей отечественной его разновидностью, который в современных условиях бьёт все мировые рекорды личной и корпоративно-клановой коррупционной прожорливости.

Понимание проявлений качественных различий отечественной бюрократии по сравнению с аналогами бюрократии стран цивилизованного капитализма невозможно также без исследования её "исходной" базы – исторически уникальной "советско-номенклатурной" бюрократии. Ведь именно вследствие специфической эстафетной передачи "генома" советской номенклатурной наследственности субъектам, которые сегодня сформировали отечественные бюрократические и олигархические структуры и соответствующие корпоративные кланы, все они абсолютно качественно отличаются от субъектов западной бюрократии и олигархата. В частности, это касается *общей фетишизации отношений в системе бюрократической власти и управления, где всеобъемлющими элементами "эквивалентности" отношений на "бюрократически-бартерном рынке" продолжают оставаться рудиментарно-номенклатурные отношения "блата", "протекционизма", "землячества", "кумовства", "родства" (то есть то, что на современный лад является клановыми отношениями "любимых друзей")*.

В экономическом плане быстрому обогащению новых "хозяев" жизни способствовали ими же созданные и вполне легитимно действующие сетевые структуры "своих" субъектов хозяйствования, которым предоставлялись "чрезвычайные" и "преимущественные" полномочия, связанные со следующими преференциями: 1) получение первоочередного права на приватизацию и перераспределение наиболее "лакомой" части общенародной государственной собственности, в том числе и инфраструктурной; 2) облегченным доступом к самым выгодным рынкам, в частности рынка энергоносителей и сырьевых рынков; 3) получением бюджетных средств на так называемые нужды "развития бизнеса"; 4) доступ к получению иностранных кредитов под гарантии правительства; 5) выгодные государственные заказы и льготное государственное снабжение; 6) предоставление льготных и беспроцентных кредитов и др.

При исследовании данной проблемы прежде всего необходимо также выяснить, где и в чём в отечественных условиях проявляются скрытые от широкой общественности узловые точки пересечения особых интересов бюрократии и новейших владельцев капитала, **прежде всего олигархов**, и каким образом можно этот порочный круг взаимосвязей и взаимоотношений разорвать в интересах национального социально-экономического развития?

Значительную научную работу в этом направлении провёл А. Гальчинский. Он обоснованно доказал, что олигархия является одной из самых консервативных сил общества, которая адаптировалась к условиям псевдорыночных отношений (теневой экономики, нестабильной бюджетной системы, отсутствия конкурентной среды) и ни в коей мере не заинтересована в преодолении соответствующих деформаций. По его мнению, "олигархизация имеет генетику, порождённую нашим прошлым. Речь идёт о структурах, которые паразитируют на сложностях переходной экономики, это самая консервативная сила общества, для которой нестабильность создаёт самую благоприятную среду самообогащения Оли-

гархия – это особый тип "господства", который органично сочетает в себе не только теневую, но и легитимную и законную власть. Типичным для олигархической группировки (в её зрелом состоянии) является в первую очередь наличие политического синдиката, который сочетает в себе, как правило, печатные издания, контроль над телеканалами, имеет под своей опекой соответствующие политические структуры (партии, а то и блоки). Речь идёт и об официальной представленности синдиката в парламенте, об ответственных должностях в центральных органах исполнительной власти и в органах местного самоуправления, а также о других видимых и невидимых функциональных структурах политического направления, сам факт существования которых придаёт поставленной проблеме особое звучание". (Гальчинский, 2001. С. 149–150).

По мнению А. Гальчинского, "несмотря на все декларативные заявления, олигархические структуры в действительности не имеют ничего общего с утверждением реальных рыночных отношений ... олигархия выступает как одна из самых консервативных сил нашего общества ... Этим обусловлена одна из самых острых проблем нынешнего этапа рыночных преобразований" (Гальчинский, 2001. С. 160).

Важным моментом также являются принципы и факторы формирования специфического, антиобщественного образа жизни коррупционеров.

Общеизвестно, что в основе определения образа жизни как способа деятельности лежит ориентация поведения человека, или определённой социальной общности или общества в целом, которое связано с целевыми установками, интересами и мотивационными стремлениями.

Содержание образа жизни коррупционно-криминального сообщества следует рассматривать с позиции двухуровневого подхода.

На первом, интеграционно-корпоративном уровне образ жизни выступает наиболее обобщённой формой социально-экономического и морально-этического поведения коррупционной агломерации и отражает совокупность доминирующих проявлений тех особых групповых интересов, которые определяющим образом влияют на формирование общей доминанты мотивационных и поведенческих установок, предопределяющих направления основного вектора усилий и экономическую сущность этой среды, а именно – получение максимальной наживы любой ценой.

На втором, локально-персонифицированном уровне "образ жизни" определяет конкретные целевые жизненные установки конкретно взятого лица и отражает определённые способы его действия при непосредственной реализации тех установок, которыми характеризуется персонифицированное мотивационное поведение взяточника при достижении поставленной цели – получения наживы. Последнее, прежде всего, касается тех коррупционных путей и средств, которые получатель взяток сознательно выбирает и практически применяет с целью достижения определённого личного уровня жизни, обеспечение которого он вполне сознательно считает для себя крайне необходимым. При этом сверхвысокое потребление (то есть роскошь), к которой стремятся коррупционеры, влияет на их человеческую личность абсолютно деструктивно, разрушая её моральные принципы, искажая жизненные ориентиры.

В 1999 году была опубликована уникальная монография – "Коррозия власти". В этой работе её автор А. Бень (опираясь на материалы депутатского объединения "Антимафия", возглавляемого Председателем комитета Верховной Рады Украины по вопросам борьбы с организованной преступностью и коррупцией Г. Омельченко) всесторонне раскрыл существующие криминально-коррупционные схемы невиданного обогащения новейших нуворишей. Он также предпринял попытку выяснить ис-

токи формирования "воровского мышления" коррумпированных "белых воротничков", изобразив при этом развёрнутую картину штурма политического олимпа конкретными лицами, принадлежавшими к первично-форвардной среде коррупционно-клановой корпорации в 1992–1998 годах (Бень, 1999).

Вообще, патологическая продажность за период развёртывания процесса "революционной рыночной трансформации" достигла такого состояния и уровня, что наряду с обычными товарами и услугами на чёрном рынке начали продавать абсолютно всё, что в классическом понимании вообще не может приобретать товарной формы. То есть объектами купли-продажи стали должности, награды, почести, честь, совесть, достоинство, кровь, человеческое тело, человеческие органы, сама жизнь человека, государственные тайны, национальная безопасность, интересы общества и др. Именно в этих условиях важнейшей составляющей "чёрного обмена" стал коррупционный подкуп, а сам коррупционер превратился в одного из ведущих субъектов, который контролирует и питается с этого криминального базара.

Организационно-экономические меры и финансово-правовые механизмы преодоления коррупции

Сегодня вполне очевиден тот факт, что односторонние, хоть и довольно многочисленные административно-ограничительные и организационно-правовые мероприятия и задекларированные компании, которые реализовывала центральная власть с целью противодействия коррупции и экономической преступности в течение всех лет с момента провозглашения государственной независимости Украины, не дали желаемых результатов. Более того, ситуация с распространением коррупции из года в год постоянно обострялась, о чём "в полный голос" напомнили наши Западные партнёры руководству страны в 2014–2015 годах. Это побудило власти в сжатые сроки осуществить комплекс следующих организационно-правовых мероприятий.

1. Верховной Радой Украины был принят Закон Украины "Об основах государственной антикоррупционной политики в Украине (Антикоррупционная стратегия) на 2014–2017 годы" от 14 октября 2014 г. № 1699-VII; "О предотвращении коррупции" от 14 октября 2014 г. № 1700-VII.
3. Кабинетом Министров Украины было принято постановление от 18 марта 2015 №118 "О создании Национального агентства по вопросам предотвращения коррупции".
4. Президентом Украины был издан Указ "Об образовании Национального антикоррупционного бюро Украины" от 16 апреля 2015 г. № 217.
5. Были приняты постановления Кабинета Министров Украины "О внесении изменений и признании утратившими силу некоторых постановлений Кабинета Министров Украины в связи с принятием Закона Украины "О предотвращении коррупции"" от 14 мая 2015 г. № 301; "Об утверждении Государственной программы по реализации основ государственной антикоррупционной политики в Украине (Антикоррупционной стратегии) на 2015–2017 года" от 29 апреля 2015 г. № 265.
6. Верховной Радой Украины был принят Закон Украины "О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно предотвращения и противодействия политической коррупции" от 8 октября 2015 г. № 1731-VIII.
7. Верховная Рада Украины приняла Закон Украины "О прокуратуре" от 14 октября 2014 г. № 1697-VII, согласно которому в системе прокуратуры Украины начала функционировать Специализированная антикоррупционная прокуратура, а также Закон Украины "О внесении изменений в Закон Украины "О прокуратуре" по совершенствованию и особенностях применения отдельных положений" от 2 июля 2015 г. № 578-VIII, которым были урегулированы вопросы общей структуры Специализированной антикоррупционной прокуратуры и назначения прокуроров Специализированной антикоррупционной прокуратуры по результатам открытого публичного конкурса.

8. Верховная Рада Украины приняла Закон Украины "О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно особенностей представления должностными лицами деклараций на имущество, доходы, расходы и обязательства финансового характера в 2016 году" от 15 марта 2016 г. № 1022-VIII.

Безусловно, в решении стратегической задачи, которой является преодоление коррупции и экономической преступности, могут использоваться различные способы, средства, рычаги и механизмы. Однако следует подчеркнуть, что чрезвычайно важную, а по сути главную, роль при этом должны выполнять не кампании административных акций, не карательно-силовые действия, а совсем другие направления деятельности.

По мнению автора, главным и наиболее эффективным направлением является широкое и системное использование организационно-экономических, экономико-правовых, финансово-кредитных мероприятий, систем и механизмов, которые позволят государству как предупредить, так и эффективно искоренять различные проявления коррупции и экономической преступности.

При этом на первый план должна выйти не столько реализация проблемы, связанной с тем, "чтобы чиновничье сообщество и рядовые граждане не воровали и не совершали других экономических преступлений", что фактически невозможно осуществить. Но можно идти путём "от противного", то есть создать ситуацию экономического "коррупционного вакуума" или "коррупционной бессмыслицы".

Для того чтобы указанное можно было реализовать, необходимо обеспечить выполнение трёх крайне важных задач.

Во-первых, создать в обществе такие организационно-финансовые и экономико-правовые условия, чтобы не только максимально усложнить, а прежде всего вообще сделать невозможным сам акт коррупционного подкупа, казнокрадства, различных форм воровства или проявлений мошеннического вымогательства.

Во-вторых, необходимо обеспечить такое положение экономической и социальной среды, в которой брать взятки, воровать казённые деньги, осуществлять преступные сделки, разрабатывать криминальные схемы подрыва экономической мощи государства было бы не только невыгодно, но и вообще абсолютно "экономически бессмысленно".

В-третьих, необходимо применить конкретные действия и механизмы, для того чтобы максимально "осушить" существующий источник, питающий коррупционный институт, то есть прежде всего необходимо выяснить, каким образом возможно "обескровить" коррупционный денежный потенциал взятокдателей, что в подавляющем большинстве имеет криминальную основу и преступное происхождение.

Анализ практического опыта развитых стран показывает, что система организационно-экономических и экономико-правовых мероприятий и механизмов борьбы с коррупцией и организованной преступностью должна базироваться на предупреждении легализации денег, полученных преступным путём, и максимально ограниченные возможности их дальнейшего свободного использования коррупционерами и другим преступным элементом.

К наиболее важным мероприятиям, способным эффективно преодолеть коррупцию и экономическую преступность, можно отнести следующие.

1. На законодательном уровне должно быть принято и реализовано чётко определённое нормативное требование по максимальному ограничению возможности использования так называемых "живых денег", или денежной наличности, в значительных объёмах в экономических отношениях

и рыночном обмене (например, суммой, превышающей эквивалент в 200–300 долл. США). (Например, в США путём безналичных денежных расчётов, осуществляемых с использованием банковских чеков, магнитных карточек и других современных способов, которые не предусматривают в расчётах использования денежной наличности, осуществляется более 90% всех платёжных операций физическими и юридическими лицами.)

Это мероприятие также поможет придать дополнительные потенциальные возможности для финансово-ресурсного обеспечения развития банковской системы Украины при условии введения надёжных мер страхования банковских счетов граждан, недопущения случаев кредитных махинаций и усиления ответственности банкиров и корпоративных владельцев за сохранение и приумножение средств граждан-вкладчиков.

Мировой опыт показывает, что государства, которые реально проводят, а не только имитируют борьбу с экономической преступностью, в полной мере реализуют широкий комплекс экономико-правовых мер, которые максимально затрудняют, или даже делают невозможным, процесс внесения наличных на банковские счета. Именно поэтому в Украине должна быть реализована законодательная норма, которая определит порядок, при котором наличность может быть зачислена на текущий вклад или депозит физического лица только при условии прохождения чётко определённой процедуры предварительного подтверждения законности происхождения этих средств, аналогично до системы, что в данное время действует в США. Среди важных мероприятий, *которые позволяют максимально усложнить использование незаконных денежных накоплений*, можно выделить следующие.

1. Существенное ограничение сферы наличного обращения исключительно розничной торговлей и оплатой бытовых услуг.
2. Внедрение системы безналичных расчётов для физических лиц через банковские учреждения, в том числе через Ощадбанк, с минимальными издержками для плательщиков.
3. Введение требования предъявлять декларацию о доходах при осуществлении дорогих покупок и обязательного страхования покупки с введением её в реестр собственности, а также ввести нормативное требование по предотвращению разбивания суммы крупного платежа на несколько выплат (в первую очередь это должно касаться государственных должностных лиц).
4. Усиление контроля за наличием сертификатов о происхождении товаров в розничной торговле.
5. Максимальное ограничение иностранных валют для расчётов и дальнейшее усиление контроля над рынком наличной иностранной валюты и введения полного запрета торговли валютой по агентским соглашениям.

2. Поскольку практически во всех развитых странах население платит имущественные налоги, это позволяет государству иметь в своём распоряжении (путём осуществления паспортизации, учёта и осуществления контроля за движением личного имущества, прежде всего объектов недвижимости, товаров длительного пользования, драгоценностей, антикварных изделий и других ценностей, которыми обладает наиболее зажиточная часть населения) необходимую и исчерпывающую информацию, позволяющую оценить легитимность образа жизни тех или иных субъектов, прежде всего должностных лиц и лиц, принадлежащих к представительской ветви власти.

Наряду с указанным, все ценные объекты владения физических лиц обязательно должны быть застрахованы и поэтому соответствующие государственные органы получают исчерпывающую информацию, позволяющую им сопоставить достоверность доходов и расходов, указанных в налоговых декларациях субъектов налогообложения.

Надо предусмотреть, чтобы вся информация о состоянии владения и доходов налогоплательщиков сохранялась в течение не менее 50 лет с момента её получения. Причём наряду с электронными носителями эта информация должна иметь также и обязательную бумажно-документальную форму хранения по особому архивному режиму.

Введение предложенного экономико-правового мероприятия в Украине потребует проведения в достаточно сжатые сроки системно сложной, общей процедуры первичной паспортизации имущества населения. При этом начинать эту большую работу надо с постановки на государственный учёт и проведения оценки реальной рыночной стоимости наиболее ценной недвижимости и имущества, которыми располагает состоятельная, богатая и сверхбогатая часть физических лиц-плательщиков налога на доходы.

Для повышения объективности, то есть установления оценочной стоимости недвижимости (близкой к рыночной), необходимо принять законодательную норму следующего содержания: *"Оценочную стоимость недвижимости и ценного имущества определяет лично её частный владелец. Если у соответствующих органов возникают возражения относительно несоответствия этой оценки уровню реальных рыночных цен, действующих в районе местонахождения объекта недвижимости, за государством остаётся право выкупа этого объекта по цене, в три раза превышающей названную собственником цену"*.

3. Мировая практика также свидетельствует о совершенно необходимой мере, без которой любые разговоры со стороны представителей власти о серьёзности их намерений относительно реальной борьбы с коррупцией и экономической преступностью являются социальной демагогией. Эта мера заключается в уходе от применения принципа "презумпции невиновности" при подтверждении легитимности доходов физических лиц, в случае если сальдо "реальные расходы – задекларированные доходы" свидетельствует о превышении расходов над доходами, полученными физическими лицами и ими задекларированными.

В этом случае государство (если у него есть конкретные подозрения) должно на основании следственных действий доказывать преступность источников получения "дополнительных" личных доходов и незаконность приобретения ценного имущества конкретным лицом, а также его родными и близкими (первого и второго круга), а гражданин (в т.ч. и чиновник высокого ранга) в обязательном порядке должен предоставить соответствующим государственным органам исчерпывающую информацию, которая неопровержимо подтверждает легитимность всех возможных источников происхождения его личного и семейного владения. В случае если физическое лицо отказывается это сделать, то в соответствии с законом оно приобретает статус преступника с применением соответствующих уголовных санкций.

Именно на указанных правовых принципах базируется современная антикоррупционная борьба во многих странах, прежде всего в США. И именно для того, чтобы "бандиты (в т.ч. казнокрады и коррупционеры из рядов новейших отечественных бюрократов) сидели в тюрьмах", а у государства была возможность законно конфисковать частную собственность, полученную преступным путём, в новый Уголовный и Криминально-процессуальный кодексы Украины необходимо обязательно внести следующую правовую норму: "Поводом для возбуждения уголовного дела считается наличие в собственности физического лица недвижимости, ценного имущества, драгоценностей, денежной и валютной наличности, антикварных и художественных изделий, депозитов, ценных бумаг

и т.д., реальная стоимость которых не соответствует уровню фактических доходов, которые были задекларированы и обложены налогом, а легитимность источника происхождения которых не подтверждена владельцем на определённых законодательством основаниях".

Безусловно, что норма, изложенная в редакции предложенной статьи, может служить своеобразной "лакмусовой бумагой" для выявления коррупционеров и других экономических преступников, то есть тех, кто будет разъярённо выступать против её принятия. При этом все преступники будут вопить "о нарушении прав человека", обвинять инициаторов введения (принятой в цивилизованном мире) нормы в попытке вернуть в отечественную практику так называемый "37 год".

Кстати, таким "поборникам прав человека" необходимо напомнить, что при сталинской деспотии презумпция невиновности была растоптана в различных сферах защиты прав человека, но она "железобетонно" существовала в сфере обязательной доказательной базы следствия, связанной с экономическими преступлениями и коррупцией. Также важно напомнить, что в отличие от тоталитарного режима, во всём демократическом мире применение принципа презумпции невиновности является обязательной нормой во всех уголовных делах, за исключением действия этой нормы в сфере коррупционных и других экономических преступлений, в частности уклонения от уплаты налогов и декларирования частных доходов и имущества.

Вполне понятно, что в процессе разработки новых подходов, а также экономических, организационных и правовых мер, которые следует применять в борьбе с коррупцией и организованной преступностью, *государство должно отказаться от чисто силового подхода и неоправданной жёсткости наказания*, поскольку историческим опытом доказано, что неправомерное усиление наказания за взяточничество может только повысить "качество" коррупционной конспирации и масштабно увеличить размеры взяток.

Необходимо выбирать дифференцированные, системно уравновешенные подходы к разработке и применению различных методов, механизмов и средств борьбы с коррупцией и другими противоправными экономическими явлениями в зависимости от их природы, степени социальной опасности, а также учитывая мировой опыт проведения работы в направлении их успешного преодоления, используя прежде всего опыт США.

Конечно, работа по предупреждению и ликвидации коррупции и криминальной преступности "белых воротничков" потребует высококвалифицированного и интеллектуального подхода соответствующих специалистов для выявления сложных и глубоко законспирированных коррупционных схем, финансово-кредитных, налоговых и других экономических преступлений: махинаций, финансовых злоупотреблений, "рейдерских" захватов объектов частной и корпоративной собственности и т.д., учитывая и приобретённые "традиции" продажных судов.

В то же время борьба с массовой и ненасильственной по своему содержанию экономической преступностью требует совершенно новых подходов, которые должны включать и определённую декриминализацию различных не слишком опасных для общества и граждан явлений "теневой" экономики. Важным условием успешного преодоления коррупции и экономической преступности в контексте экономико-правовых мер государства является ликвидация существующих в действующем законодательстве зон правового вакуума, которые способствуют распространению коррупции и приводят к "загрязнению" легальных экономических отношений.

В первую очередь следует заполнить существующие пробелы в действующем законодательстве, которые не дают возможности даже

при выявленных конкретных (по мировым стандартам) преступлений в сфере рыночных отношений привлекать к ответственности нарушителей.

Во-первых, это касается совершенствования законодательной базы по недопущению использования государственной собственности (её капитала, финансов, природных ресурсов) с целью личного и группового обогащения, прежде всего представителей коррумпированных властных структур. Именно поэтому чрезвычайно важно принять закон "о легитимности источников происхождения стартового и инвестированного капитала".

Во-вторых, требует тщательного дополнения и участка правовой базы, направленной на законодательное ограничение возможности применения многочисленных финансово-мошеннических схем, проявлений нечестного бизнеса и противоправной конкуренции (особенно применение в этой борьбе коррупционных и криминально-мафиозных структур). Указанное потребует существенного совершенствования уголовного и криминально-процессуального кодексов на основе учёта мирового и отечественного современного опыта.

В-третьих, необходимо также ускорить формирование нормативной базы для ограничения таких противоправных действий в сфере финансово-банковской деятельности и фондового рынка, как: 1) ложное предпринимательство и фальшивое банкротство; 2) создание биржевой паники; 3) проведение на основе использования инсайдерской информации заговорчески-организованной курсовой игры; 4) перепродажа льготных кредитов, и средств, полученных по схеме рефинансирования коммерческих банков путём применения специфической схемы, основанной на использовании мультипликатора субкредитного трансферта (то есть многократной нецелевой спекулятивной перепродажи расщеплённых денежных сумм на так называемом рынке межбанковских услуг); 5) применение различных мошеннических схем, в частности, таможенных и связанных с уклонением от уплаты налогов (в частности возврат НДС, используя так называемую схему "резкспорта", с использованием "оффшорных" схем и др.).

Законодательного противодействия требуют и такие новейшие преступления, как проникновение в компьютерные сети и системы кредитно-банковских учреждений и многие другие преступления, требующие усиления карающих правовых санкций и определения реальных объёмов экономической компенсации за нанесённый государству или субъектам рыночных отношений и гражданам убытки.

Речь идёт как раз о тех финансовых, кредитных, валютных и других преступлениях, которые уже давно определены мировой юридической практикой как уголовные и крайне общественно опасные и в отношении которых существует адекватная дифференцированная система санкций.

Требуют введения ещё несколько образцов опыта США, позволяющих существенно повысить эффективность борьбы с коррупцией и организованной преступностью (в частности финансовыми махинациями).

Во-первых, введение в отечественную практику юридической нормы закрепления за свидетелем права на "иммунитет". То есть предоставление суду возможности освобождать свидетеля от криминального преследования, если он дал показания, изобличающие его противоправные действия, но эта информация важна для государственных силовых и специальных органов расследования по организованной преступной деятельности, в частности в наиболее законспирированной сфере применения "финансовой алхимии". Свидетелю должно быть гарантировано, что его показания не будут использованы против него самого по уголовному делу. Эта мера облегчит государственным органам получать скрытую информацию, необходимую для планирования мер по борьбе с коррупцией и экономическим

криминалом (в США ещё в 1970 году эта норма была введена в федеральный закон "О контроле над организованной преступностью").

Во-вторых, необходимо регламентировать возможность по закону проводить конфискацию имущества и средств легально функционирующих предприятий, которые образованы на криминальные доходы (от рэкета, наркомании, проституции, мошенничества, хищения государственного имущества и финансово-бюджетных ресурсов и т.д.).

В-третьих, внедрить вместо существующей правовой нормы, которая позволяет применять принцип "поглощения" более длительными сроками уголовного наказания меньших сроков. Необходимо ввести правовую норму, проверенную временем во многих странах, по которой реализуется принцип "суммарного" уголовного наказания за каждый отдельно взятый случай доказанного преступления.

Выводы. Подытоживая, необходимо отметить, что залогом успеха в борьбе с коррупцией и криминально-чёрной экономикой в Украине должны стать профессиональная системность, взвешенность, последовательность, решимость и неотложность действий и соответствующих государственных структур, и населения. Только в таких условиях реальным будет преодоление коррупции путём создания и практической реализации в обществе организационных, финансовых и экономико-правовых правил, которые не только максимально усложнят, но и сделают невозможным сам акт коррупционного подкупа, казнокрадства или различных форм воровства или проявлений мошеннического вымогательства. Тогда брать взятки, воровать казённые деньги, осуществлять преступные сделки, разрабатывать криминальные схемы подрыва экономических усилий государства будет не только опасно, но и невыгодно, экономически бессмысленно.

Для этого необходимо максимально "осушить" существующие источники, питающие коррупционный институт. Это требует от власти и общества последовательности, решительности, применения мирового опыта.

Понимание сложившейся ситуации с проблемами преодоления коррупции и организованной преступности в Украине может "приумножать печали". Но оно вооружает общество информацией о возможных эффективных мерах и механизмах, которые позволят в корне изменить ситуацию к лучшему. Очень важно при этом, чтобы все мероприятия и усилия по внедрению антикоррупционных механизмов проводились решительно, быстро, без ошибок, так как их цена оборачивается огромными убытками для общества. Затягивание этих процессов, топтание на месте или неадекватность действий по сути складывающейся сегодня ситуации только усилят внутренние угрозы и внешние опасности для нашего государства.

Литература

- Варналії З.С. (ред.) (2006). Тіньова економіка: сутність, особливості та шляхи легалізації. К.: НІСД.
- Мандибур В.О (1998). "Тіньова" економіка України та напрями законодавчої стратегії її обмеження: [монографія]. К.: Парламентське вид-во.
- Гальчинський А.С. (2001). Суперечності реформ: у контексті цивілізаційного процесу: [монографія]. К.: Українські пропілеї.
- Бень А. (1999). Корозія влади. К.: ЗАТ "Манускрипт". Із серії "ПРАВДИ І СУДУ!".
- Про Концепцію подолання корупції в Україні "На шляху до доброчесності". Схвалено Указом Президента України від 11 вересня 2006 року N 742/2006.

References

- Varnalii Z.S. (red.) (2006). Tinova ekonomika: sutnist, osoblyvosti ta shliakhy lehalizatsii [Shadow economy: the nature, characteristics and ways of legalization]. Kyiv: NISD. (In Ukrainian)
- Mandybura V.O (1998). "Tinova" ekonomika Ukrainy ta napriamy zakonodavchoi stratehii yii obmezhenia ["Shadow" economy of Ukraine and areas of legislative strategies of limitation]: [monohrafiia]. Kyiv: Parlamentske vyd-vo. (In Ukrainian)
- Halchynskyi A.S. (2001). Superechnosti reform: u konteksti tsyvilizatsiinoho protsesu [Contradictions reforms, in the context of civilization development]: [monohrafiia]. Kyiv: Ukrainski propilei .
- Ben A. (1999). Koroziiia vlady. Kyiv: ZAT "Manuskrypt". Iz serii "PRAVDY I SUDU!". (In Ukrainian)
- Pro Kontseptsiiu podolannia koruptsii v Ukraini "Na shliakhu do dobrochesnosti" [On the Concept of Eradicating Corruption in Ukraine "On the way to virtue"]. Skhvaleno Ukazom Prezydenta Ukrainy vid 11 veresnia 2006 roku N 742/2006. (In Ukrainian)

Поступление в редакцию 31.10.2016 г.

CORRUPTION: INSTITUTIONAL ESSENCE AND MECHANISMS TO OVERCOME

Viktor Mandybura

Author affiliation: Author affiliation Doctor of Economics, Institute for Economics and Forecasting, NAS of Ukraine.

The article deals with the problems of the nature and structure of corruption as an institution that has an absolute antisocial orientation. The author reveals the forms of corruption and characterizes the agents of that phenomenon, highlighting the peculiar features of its formation and its socio-economic origins. On the basis of generalization of international experience (especially US), for practical implementation, he proposed a national system of economic, legal, financial and organizational measures and mechanisms to combat corruption.

Keywords: corruption, shadow economy, institution of corruption, agents of corruption, the object of corruption, corrupt way of life, mechanisms to combat corruption.

JEL: O170.